

Писатель Джон Ирвинг — в интервью «Газете»

«Критики благосклонны к писателям, по отношению к которым они чувствуют превосходство»

В последние годы был отчасти восполнен еще один пробел в нашем литературном кругозоре: в русском переводе было издано несколько романов Джона Ирвинга — живого классика американской литературы, автора таких всемирно знаменитых романов, как «Мир глазами Гарпа» и «Молитва об Оуэне Мيني». Русская версия второй из этих книг, появившаяся в начале этого года, пока остается самым свежим ирвинговским релизом в России, не считая переизданий. Корреспонденту «Газеты» Кириллу Решетникову удалось пообщаться с писателем.

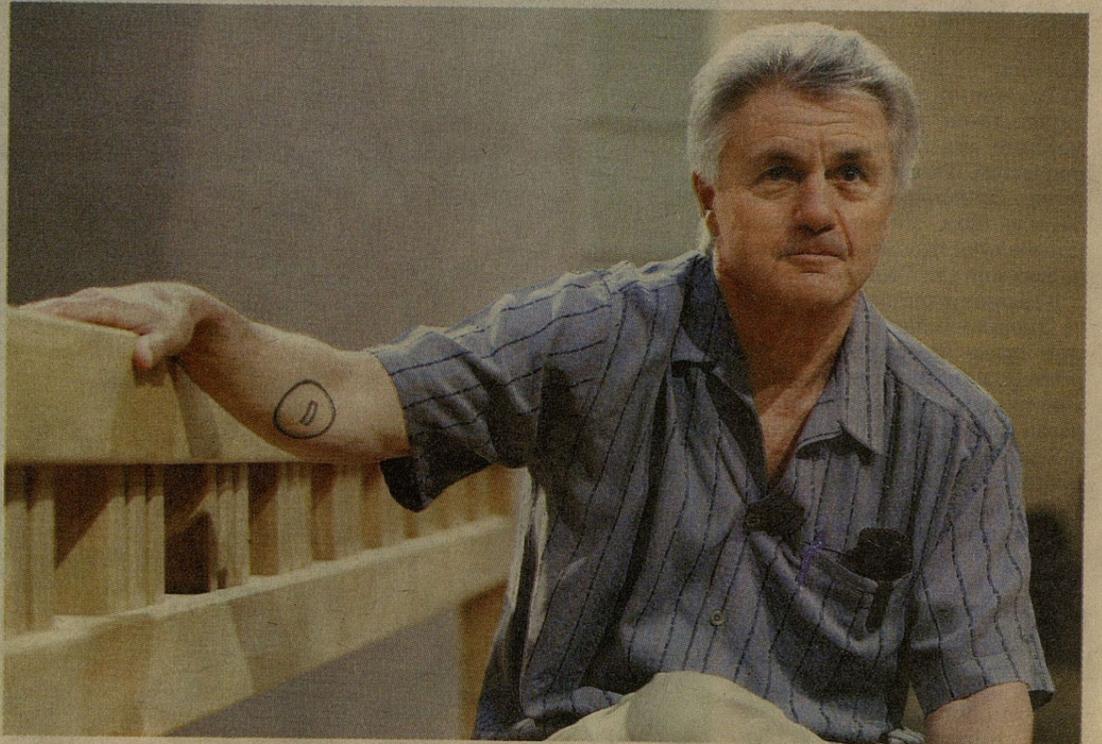
Судя по вашим книгам, вас очень занимает роль матери в воспитании мужчины. В «Мире глазами Гарпа» и в «Молитве об Оуэне Мيني» есть крайне своеобразные, даже эксцентричные образы матерей. Вы встречали таких женщин в реальной жизни?

До шести лет я жил с матерью и бабушкой, ничего не зная о своем отце — Джоне Уоллесе Бланте. О нем никто не говорил. В 1948 году, когда моя мать вышла замуж второй раз, я был усыновлен Колином Ирвингом, и мне дали имя Джон Уинслоу Ирвинг (до этого меня звали Джон Уоллес Блант-младший). Уинслоу — девичья фамилия моей матери. Позже, когда я уже был отцом двоих детей и собирался развестись со своей первой женой, а самому мне было под сорок, мать дала мне прочесть письма, которые мой настоящий отец писал ей в 1943 году с восточного фронта, из Китая. В этих письмах он объяснял, почему не хочет с ней оставаться, и выражал надежду на то, что она позволит ему поддерживать отношения со мной. Она не позволила. Мы никогда не говорили с ней ни об этих письмах, ни о нем самом. Отчима я любил, своего первого сына я называл Колином в его честь. В нашей семье были сильные и упрямые женщины, прежде всего мать и бабушка. Именно они вместе с двумя моими тетюшками, сестрами матери, воспитывали меня до шести лет.

Ваши ранние романы, такие как «Свободу медведям» или «Человек воды», были довольно хорошо встречены критиками, но массовый читатель их не воспринял, а после «Гарпа» нередко бывало ровно наоборот. Вы дорожите мнением критиков?

Когда я был молодым автором и меня почти никто не знал, я не представлял угрозы для критиков. Критики благосклонны к тем писателям, по отношению к которым они чувствуют превосходство. Когда вышел «Мир глазами Гарпа», меня перевели на тридцать или сорок языков, и тогда я в последний раз видел хвалебные рецензии. Когда становишься суперзвездой, чем-то вроде кинозвезды среди литераторов, то начинаешь привлекать внимание критиков низшего сорта — ниспровергателей. Кроме того, в моих книгах критикуется американское общество, а во многих из них откровенно говорится о сексе. Общество в Америке становится все более пуританским и сексуально подавленным, особенно теперь, когда за президентом и республиканцами стоят правые христиане. Шесть моих последних романов начинаются с «Правил виноделов» сконструированы более продуманно, чем любой из пяти первых, включая «Гарпа» и «Отель «Нью-Гэмпшир»». Это не значит, что читателям не может больше всего нравиться один из этих пяти, я просто говорю как архитектор: последние шесть лучше построены. Это не имеет ничего общего с так называемой критической оценкой. Меня три раза номинировали на премию National Book Award: один раз за «Отель «Нью-Гэмпшир»» и дважды за «Мир глазами Гарпа», который в итоге получил ее в категории изданий в мягком переплете. С тех пор меня на эту премию не выдвигали, и тем не менее все последующие романы лучше.

В «Правилах виноделов» на первый план выходит проблема абортов, а в «Оуэне Мيني» — последствия войны во Вьетнаме. Похоже, что исследование болезненных социальных вопросов для вас —

один из самых существенных компонентов романа.

Политика мне безразлична, я человек политически активный. Но я не пишу политических романов. Если политика естественным образом входит в повествование, я этому не препятствую, но я не задумывал «Правила виноделов» как роман об абортах, а «Оуэна Мيني» — как роман о Вьетнаме. «Оуэна Мيني» я написал спустя двадцать лет после вьетнамской войны, а в «Правилах виноделов» специально выбрал временем действия 1930-1940-е, чтобы как можно сильнее отдалить эту историю от нынешних истерических дебатов об абортах. Я люблю дистанцию. У меня медленный процессор. Наиболее автобиографичный роман, в котором рассказывается о моем детстве и отрочестве — «Пока я не найду тебя», — я написал, когда мне было около шестидесяти. Я люблю, когда проходит много времени. Я работаю медленно. «Правила виноделов» начинались с сюжета о детском доме, и лишь позже тема абортов стала центральной. А «Оуэн Мيني» — это был роман о юности, о потерянной дружбе. Вьетнамский кон-

фликт нашел свое место в этой истории, но история появилась раньше — так бывает всегда.

В центре «Молитвы об Оуэне Мيني» — религиозная тема. А сами вы верующий?

Нет, я не религиозен. Я ходил в церковь в ранние годы, изучал в школе и университете религии мира, сравнительное религиоведение. Религия мне интересна, и я довольно много о ней знаю, но в церковь я больше не хожу. В «Оуэне Мيني» мне было важно рассказать историю так называемого «религиозного» чуда с точки зрения верующего. Если введена фигура Христа, вы ведь не можете оставить Его без последователя или ученика, правильно?

Вы склонны к перфекционизму? Знакомо ли вам желание переделать что-нибудь в уже опубликованной книге?

Да, я перфекционист. Три четверти моей писательской жизни проходят в переписывании — я правлю и правлю, делаю это постоянно. Я переписываю мои романы столько раз, что после публикации уже никогда не возникает мысль об изменениях — я вношу исчерпывающую правку в процессе письма. Если готово, то готово. Работая над книгой, я никогда не тороплюсь. Но и не перечитываю ее, когда она уже издана.

Вы довольны экранизациями «Гарпа» и «Отеля «Нью-Гэмпшир»?

«Отель «Нью-Гэмпшир»» поставил Тони Ричардсон, «Мир глазами Гарпа» поставил Джордж Хилл. Соответственно, это фильмы Тони Ричардсона и Джорджа Хилла. Мне нравится, как они работают. Но я не принимал почти никакого участия в создании этих киноверсий. Меня просили написать к ним сценарии, однако я предпочел этого не делать. Я не представлял эти истории в качестве фильмов. Экранизация моих романов меня обычно не интересует, но если кто-то другой представляет себе, как можно

сделать из моего романа фильм, то я ему не буду ему мешать.

Существует ли идея фильма по «Оуэну Мيني»?

Эта вещь на экране мне неинтересна. Это чудеса. Их невозможно показать. Кроме того, там бы все очень сильно зависело от актера, играющего Оуэна. А где вы найдете такого человека? Это нечто слишком сверхъестественное для пленки, это не сработает. «Молитва об Оуэне Мيني» — самый популярный из моих романов, его читают во всем мире. Но кино из него получилось бы отвратительное.

Как появился замысел романа «Четвертая рука»? Тигр откусывает журналиста руку, а некая женщина готова отдать ему руку своего покойного мужа... Может быть, это какой-то реальный случай?

Однажды мы с женой смотрели по телевизору новостной сюжет о хирургической пересадке рук, и жена сказала мне: «Если бы ты умер, а твою руку пересадили бы кому-то другому, то я бы хотела ее видеть, прикасаться к ней, даже ходить с ней в гости». После этого я не спал всю ночь. К утру у меня был готов сюжет. Я прервал работу над романом «Пока я не найду тебя» и написал «Четвертую руку», а также несколько набросков к сценарию. После этого я вернулся к прерванному роману и дописал его. Сейчас я продолжаю писать сценарии к фильму по «Четвертой руке» вместе с режиссером, который сделал фильм «Дверь в полу» — экранизацию первой части моего романа «Вдова на год». Но я гораздо больше люблю писать романы, чем сценарии. Романы — это прежде всего, а над фильмами я работаю для того, чтобы развлечься или отдохнуть, или чтобы сменить темп работы. Я мог бы перестать писать сценарии и не жалеть об этом. А романы мне писать просто необходимо — как есть и спать.

Ирвинг Джон (писателя)